

Вопрос Сяо Имина заставил сердце Фан Чи резко упасть вниз. Внезапно он почувствовал, будто на нём недостаточно одежды – ночной ветер свободно задувал под воротник.

Буквально через несколько секунд его руки уже похолодели.

– Ты... – Фан Чи засунул руки в карманы. – То есть твоя мама узнала про... это?

– Угу, – кивнул Сяо Имин.

Фан Чи долго не мог вымолвить ни слова. В кармане лежала пачка сигарет, и ему потребовалось немало усилий, чтобы достать одну и зажать её в зубах. Зажигалку он щёлкал раз семь, прежде чем смог прикурить.

– Ты же бросаешь курить, но сигареты всегда под рукой, – заметил Сяо Имин.

– Для душевного спокойствия, – ответил Фан Чи, но не стал затягиваться, просто держа сигарету в руке. Спустя некоторое время он спросил: – Как она узнала?

Сяо Имин относился к этому спокойно, но не настолько, чтобы перед экзаменами самому рассказывать семье. Значит, мама узнала откуда-то ещё.

– Не хочу говорить, – поморщился Сяо Имин. – Просто узнала, и всё.

Фан Чи замолчал. Оба стояли в темноте, не проронив ни слова.

Ветер усиливался, а ночная температура продолжала падать.

В десяти метрах от них светился уличный фонарь, создавая тёплый ореол, но Фан Чи знал, что, даже подойдя ближе, теплее не станет.

Неизвестно, сколько времени они простояли в молчании. Когда Фан Чи поднёс руку, чтобы затянуться, то обнаружил, что сигарета уже давно догорела.

– Тьфу, – буркнул он и швырнул окурок в ближайшую урну.

– Пойдём ко мне, – взглянул он на Сяо Имина.

Тот стоял, отвернувшись, и, казалось, был погружён в свои мысли. Услышав предложение, он покачал головой:

– Я потом найду себе гостиницу.

– Идиот, – Фан Чи развернулся и пошёл прочь.

Через некоторое время сзади раздались шаги.

Фан Чи обернулся:

– У тебя же нет денег?

– Угу, – Сяо Имин похлопал себя по карманам и усмехнулся. – Ни гроша.

– Домой не пускают? – спросил Фан Чи.

– Не сказали, просто выгнали, – Сяо Имин потер руки. – Завтра разберусь.

- Ага, - кивнул Фан Чи.

Они снова замолчали и весь путь до дома прошли молча.

Вернувшись, Фан Чи посмотрел на время - было уже поздно. Он взглянул на Сяо Имина:

- Можем потесниться.

- Я на диване, - Сяо Имин плюхнулся на диван, кутаясь в одежду. - Всё равно поспать осталось пару часов.

- У меня кровать большая, - сказал Фан Чи.

- Боюсь, тебе будет неловко, - Сяо Имин закрыл глаза. - Да и я не люблю тесноту.

Фан Чи не стал настаивать. Он зашёл в комнату, достал из шкафа одеяло и отдал Сяо Имину. В этом дырявом районе отопление всегда работало плохо, не то что у бабушки с дедушкой, где они топили сами.

Сяо Имин укрылся и уснул.

Фан Чи вернулся в спальню, закрыл дверь и лёг на кровать.

Он хотел отправить Сунь Вэньцюю фото цветов, сделанные сегодня, но было уже поздно, да и настроение не располагало.

Сяо Имин не стал вдаваться в подробности, и Фан Чи не стал расспрашивать. Яркий отпечаток ладони на лице говорил сам за себя. Что бы он ни услышал, это лишь усилило бы чувство безысходности.

Он выключил свет и сунул Хуан Цзуна, спавшего на его подушке, в щель между подушками.

Закрыв глаза, он начал медленно дышать, мысленно считая.

Когда он уже почти засыпал, ему показалось, что из гостиной доносятся приглушённые всхлипы Сяо Имина, но, прислушавшись, он больше ничего не услышал.

Нахмурившись, он натянул наушники.

Утром, выйдя из спальни, Фан Чи увидел в гостиной человека, стоящего спиной к нему у окна.

Он так испугался, что машинально схватил стоявшую у двери трекинговую палку.

Только когда незнакомец обернулся, он вспомнил - это же бродяга Сяо Имин.

- Ты меня напугал, - он опустил палку.

- Ты что, память потерял? - усмехнулся Сяо Имин.

- Не сообразил сразу, - Фан Чи окинул его взглядом. - Будешь умываться? Принесу тебе зубную щётку и полотенце.

- Я видел ополаскиватель для рта, воспользовался им. И лицо помыл - плеснул воды, и делу конец. Не надо заморачиваться, - ответил Сяо Имин.

- Ага, - Фан Чи зашёл в ванную.

Он нашёл Сяо Имину подходящую куртку, и они вышли из дома.

Похоже, телефон Сяо Имина не звонил всю ночь. За завтраком он то и дело поглядывал на экран, и Фан Чи вдруг подумал, что его мать слишком жестока.

Но если представить, что это случилось в его семье...

Бабушка с дедушкой стали бы его искать?

Может, не позволили бы ему просто так уйти?

Хотя... Всё могло быть иначе.

А ещё они могли слечь от переживаний.

При этой мысли Фан Чи невольно поморщился и потерял аппетит к тофу.

Сяо Имин держался стойко и отправился в школу налегке. К счастью, сейчас у них идёт повторение, и все учебники уже давно свалены на партах, так что ранец был не нужен.

Однако за обедом Сяо Имин не пошёл с остальными, сказав, что хочет вздремнуть в классе.

Фан Чи испытывал странное чувство. В такой ситуации, когда с Сяо Имином произошло подобное, ему хотелось с кем-то поговорить, обсудить это. Но он не знал, с кем и о чём именно.

Он несколько раз открывал контакт Сунь Вэньцзя, смотрел на него, но в итоге убирал телефон.

После уроков они, как обычно, пошли вместе. Сегодня Сяо Имин, похоже, ещё не решил, куда отправиться после каштанов.

- Когда ты вернёшься домой? - спросил его Фан Чи.

- Не знаю, - вздохнул Сяо Имин. - Мама до сих пор со мной не связалась.

- И что ты будешь делать? - тоже вздохнул Фан Чи. - Пойдёшь сегодня ко мне?

- Нет, - покачал головой Сяо Имин. - Я к тёте схожу. У тебя есть деньги? Одолжи немного.

- К тёте? - Фан Чи достал кошелёк. - Что ты ей скажешь?

- Что поругался с матерью и меня выгнали, - ответил Сяо Имин.

- Скоро экзамены, это же нелогично, - Фан Чи вытащил из кошелька несколько сотен юаней и протянул ему. - Может, вернёшься и извинишься перед мамой...

- Извинюсь? - Сяо Имин уставился на него.

- Хотя бы смягчи тон, - Фан Чи опустил глаза, разгрызая каштан. - Иначе что делать?

- Мы с матерью сильно поругались. Даже если я растаю, как снег, это вряд ли поможет, - Сяо Имин остановился у автобусной остановки, прислонившись к рекламному щиту. - Я сам себе перекрыл все пути.

Фан Чи промолчал. Сяо Имин был упрям, и по его словам можно было представить, как они с матерью кричали друг на друга.

– Я был слишком импульсивен, – опустил глаза Сяо Имин. – Всё думал, что в этом нет ничего страшного, узнала и узнала. Это не изменить, да и не ошибка это. Стоило ли так бурно реагировать? Видимо, я был слишком наивен. Среди родителей, наверное, лишь единицы способны принять такое.

Фан Чи молча слушал.

– Если бы можно было всё начать сначала, я бы не спорил с ней, – нахмурился Сяо Имин. – Лучше бы встал на колени и дал ей отлупить меня для начала.

По тону Сяо Имина Фан Чи чувствовал его беспомощность и отчаяние.

– Я пойду к тётке, автобус приехал, – Сяо Имин похлопал его по плечу.

– Ты... – Фан Чи посмотрел на него.

– Всё в порядке, – сказал Сяо Имин. – Скоро экзамены, что бы ни случилось, я сначала справлюсь с этим. Ты тоже, не зацкливайся на моих проблемах.

После того как Сяо Имин втиснулся в автобус, Фан Чи ещё долго стоял на остановке, не в силах понять, о чём думает.

В конце концов он надел наушники и побежал по дороге домой.

У него была хорошая привычка к бегу – он подходил к этому серьёзно: следил за балансом тела, движением рук, шириной шага, постановкой стопы. Каждая деталь должна быть идеальной.

Только так можно получить удовольствие от бега, почувствовать его настоящий вкус.

Только так можно оставить все неприятности позади.

Перед глазами мелькали пейзажи и люди, а ветер и дыхание постепенно переставали быть ледяными.

В тот день Сунь Вэньцзюй вместе с дедушкой и Сяо Цзи отправились в горы.

Дедушка время от времени ходил в горы, чтобы размяться. Прожив здесь всю жизнь, он любил наблюдать за изменениями в горах – теми, что происходят за годы, десятилетия, и которые посторонний глаз не заметит.

– Не устал? – спросил дедушка.

Они шли по удобной тропе, пологой и хорошо протоптанной теми, кто поднимался в горы.

– Нет, – ответил Сунь Вэньцзюй. – Могу ещё пару гор перевалить.

– Как будто ты уже одну перевалил, – рассмеялся дедушка. – Мы же даже до середины не дошли.

– Тропа хорошая, – улыбнулся Сунь Вэньцзюй. – Не утомляет.

- В следующий раз бегай по этой тропе, не ходи по той, где подвернул ногу, - сказал дедушка.

- Я и не хожу, боюсь, - ответил Сунь Вэньцуй.

- Сяо Чи вырос в горах, лазил везде, по всем этим тропам и камням бегал проворно, - дедушка шёл и рассказывал. - Видишь вон тот камень?

- Вижу, - Сунь Вэньцуй посмотрел в указанном направлении, где на противоположном склоне виднелся голый участок скалы без растительности. - Это же не просто камень...

- Сяо Чи ещё в начальной школе мог залезть туда, - с гордостью сказал дедушка. - Прямо как обезьянка, такой дикарь.

- Он говорил, что ты часто водил его в горы.

Сунь Вэньцуй смотрел на дедушку. Улыбка старика была настолько заразительной, что ему самому хотелось улыбнуться в ответ.

- В детстве я сам водил его в горы, а когда подрос - он уже сам бегал туда, - с ностальгией сказал дед. - После переезда в город он никак не мог привыкнуть, всё хотел вернуться, а приезжая - не хотел уезжать.

- Понимаю, - ответил Сунь Вэньцуй. - Он вырос в таком месте, разница с городом слишком большая.

- Да, но как же без переезда? - вздохнул дед. - Учиться в городе, работать - всё же лучше, чем в деревне.

- Он просто скучает по вам, по вам и бабушке, - Сунь Вэньцуй потянулся погладить собаку, шедшую рядом.

Дед громко рассмеялся, но потом задумался:

- А этот парень... опять не звонил уже сколько времени?

- Угу, наверное, слишком занят подготовкой к экзаменам, - Сунь Вэньцуй достал телефон и проверил. С момента последнего звонка Фан Чи прошло уже больше двух недель.

Сообщений было несколько: фото маленького жёлтого цветка с вопросом, расцвели ли цветы в его горшке-обезьянке, пара «спокойной ночи», а ещё несколько хвастливых сообщений с фотографиями решённых сложных задач.

Но звонков больше не было.

Если смотреть поверхностно - ничего странного. Обычный школьник, загруженный подготовкой к Гаокао, находит минутку, чтобы отвлечься и отправить пару сообщений.

Но если задуматься - что-то здесь было не так.

Фан Чи и Лян Сяотао вышли из ветеринарной клиники, неся в переноске полубессознательного Генерального Хуана.

- Он меня поцарапает, когда очухается дома? - беспокоился Фан Чи.

- Вряд ли, - Лян Сяотао наклонилась, заглядывая в переноску. - Может, даже не поймёт, что остался без яиц? Максимум - будет игнорировать.

- Ну и ладно, - вздохнул Фан Чи. - Он и так меня игнорирует.

Лян Сяотао рассмеялась:

- Ну ты и осознанный «уборщик кошачьих какашек».

- Давай что-нибудь перекусим, - огляделся Фан Чи.

- Не надо, давай быстрее домой, - улыбнулась Лян Сяотао. - Я сразу поеду. Может, после вечерних занятий угостишь меня перекусом.

- Договорились, - кивнул Фан Чи.

Он хотел что-то добавить, но в этот момент в кармане зазвонил телефон.

«Наш сад - вся наша страна, в нём столько цветов...»

- Пока! - Лян Сяотао помахала ему рукой и прыгнула в такси, стоявшее у обочины.

Фан Чи помахал ей в ответ, одновременно доставая телефон:

- Алло?

- На улице? - в трубке раздался голос Сунь Вэньцюя.

- Угу, - Фан Чи зашёл в ближайший магазин, встав у входа, чтобы укрыться от ветра.

- Вечером ещё занятия? - спросил Сунь Вэньцюй.

- Угу, - Фан Чи слушал его голос, и в груди стало тепло и уютно, захотелось прижаться к нему, но тут же возникло привычное беспокойство. - Сегодня... кастрировали Генерального Хуана.

- Уже всё? - засмеялся Сунь Вэньцюй. - Он сам уже в курсе?

- Пока нет, выглядит ошарашенным, - улыбнулся Фан Чи. - Ты сегодня... занят?

- Более-менее, - ответил Сунь Вэньцюй. - Давай сначала доберись домой, потом позвони. Дедушка утром говорил, что ты давно не звонил, наверное, соскучился.

- Угу, - Фан Чи вдруг почувствовал укол вины. - Сейчас у нас подготовка... очень напряжённая, после вечерних занятий я прихожу и... сразу спать.

- Я сказал ему, что ты сейчас загружен и устаёшь, - ответил Сунь Вэньцюй.

- Ага, - пробормотал Фан Чи. - Тогда я позвоню, когда доберусь.

Поймав такси, Фан Чи всю дорогу смотрел в окно, чувствуя себя не в своей тарелке. Настолько, что у подъезда чуть не забыл заплатить водителю.

Понял ли Сунь Вэньцюй что-то по его голосу? Его нервозность и смятение?

Вряд ли. Тон Сунь Вэньцюя звучал совершенно обычно.

Или всё-таки понял? Этот человек всегда видел его насквозь, не подавая виду...

Наверное, да. Фан Чи упёрся лбом в спинку переднего сиденья и тихо вздохнул. Хотя бы тот факт, что он так долго не звонил, уже был красноречив.

Рассердился ли Сунь Вэньцзюй?

Или рассердился, но не показал виду?

А может, то, что так волновало его самого, для Сунь Вэньцзюя вообще не имело значения.

Вернувшись домой, Фан Чи осторожно вынул Генерального Хуана и уложил в домик – мягкую лежанку с отверстием, куда можно было залезть. Правда, коту она не нравилась: в лучшем случае он восседал на крыше, стараясь расплющить её в блин.

Но сейчас Фан Чи уложил его внутрь, и тот даже не сопротивлялся, свернувшись клубком.

Фан Чи вымыл руки, переоделся и только потом взял телефон, нерешительно набрав номер Сунь Вэньцзюя.

Трубку подняли после первого же гудка, и в ответ он услышал голос деда:

– Сяо Чи?

– Дедуля! – Фан Чи не ожидал, что трубку возьмёт дед, и удивлённо рассмеялся. – Ты научился отвечать на звонки?

– Я не научился, Вэньцзюй помог разблокировать, – засмеялся дед. – Ты сегодня кастрировал того кота?

– Да, – улыбнулся Фан Чи. – Только что вернулись. Вы уже поели?

– Да, сегодня было очень изысканное блюдо, – радостно сказал дед. – Потом Вэньцзюй пришлёт тебе фото. Выглядело очень презентабельно, даже бабушкина утка, которую она пережарила, смотрелась красиво.

– Что ели? – Фан Чи невольно потрогал живот.

– Обычные блюда, но Вэньцзюй недавно сделал пару тарелок, и мы стали подавать еду на них – красиво, – объяснил дед.

– Ага, – Фан Чи улыбнулся. Сунь Вэньцзюй, когда заходил в творческий тупик, часто отвлекался на подобные вещи. Он потрогал четырёхлистный клевер на воротнике. – Надо посмотреть.

Поговорив с бабушкой и бабушкой, Фан Чи услышал, как бабушка, узнав, что он ещё не поел, начала торопить его с ужином.

– Ладно, – по привычке сказал Фан Чи. – Передай трубку Вэньцзюю.

– Вэньцзюй куда-то ушёл, – ответила бабушка. – Его в комнате нет.

– А, тогда кладу трубку. Тебе не надо ничего нажимать, я сам отключусь, – сказал Фан Чи и после секундного колебания разъединился.

В ожидании, что Сунь Вэньцзюй перезвонит, он взял телефон с собой на кухню, где начал варить лапшу.

Но даже когда он закончил есть, звонка так и не последовало.

Фан Чи вздохнул и без всякого аппетита допил бульон, после чего помыл тарелку.

Когда он уже собирался сесть за учебники, пришло сообщение.

На экране было имя Сунь Вэньцзюя.

Две фотографии: на первой – два изящных белых блюда в форме лепестков с тонкими прожилками, на второй – пережаренная бабушкина утка с овощами (овощи, впрочем, уцелели).

Делал, когда искал вдохновение. Круто, да?

Фан Чи улыбнулся.

Очень круто.

Иди занимайся. До экзаменов осталось несколько месяцев, не расслабляйся.

Угу.

Сфоткай Генерального Хуана без яиц, хочу посмотреть.

Фан Чи, усмехнувшись, взял телефон и лёг перед кошачьим домиком, потратив кучу времени, чтобы сделать пару кадров. Генеральный Хуан всё ещё был в ступоре, не шевелился и не пытался ударить его лапой, лишь смотрел полуприкрытыми глазами.

Он отправил фото Сунь Вэньцзюю.

Вот такой. Врач сказал, что придёт в себя через несколько часов.

Ощущает себя покинутым миром. Погладь его от меня. А ты иди занимайся.

Угу.

Фан Чи отложил телефон, сел за стол и какое-то время просто сидел, уставившись в пространство, прежде чем надеть наушники и начать решать задачи.

Когда же этому придёт конец?

Он не расспрашивал, как разрешилась ситуация с Сяо Имином. Знал только, что тот так и не вернулся домой, живя у тёти, но учёба и подготовка к экзаменам уже вошли в привычное русло.

Возможно, эту проблему вообще нельзя решить.

Родители не могут принять, ребёнок не может измениться.

Тупик.

Единственный способ не ранить родителей, не сталкивать их с такой правдой – это не делать шаг вперёд. Ни по своей воле, ни под давлением.

Фан Чи заставил себя не заикливаться на этих мыслях. Неразрешимая проблема – отложить в сторону.

Сунь Вэньцзюй говорил: «Без отвлекающих мыслей».

Это было сложно. Фан Чи то и дело ловил себя на том, что отвлекается. К счастью, он уже вошёл в режим «псевдо отличника»: «А, это я знаю... эта задача несложная... тут должно быть так...»

Хотя при разборе заданий с учителем он понимал, что ошибался часто, но хотя бы мог решать задачи подряд, не застревая на каждой.

А перед сном он теперь вырубался моментально, не успевая даже начать копаться в воспоминаниях.

Проблема была только в те дни, когда он просыпался раньше будильника. Тогда он начинал думать о Сунь Вэньцзюе: как продвигается работа, бегают ли он по утрам, продолжает ли делать тарелки для бабушки с бабушкой, засиживается ли ночами...

Утром, после звонка будильника, Фан Чи открыл глаза, несколько раз перевернулся с боку на бок, встал и раздвинул шторы, заодно приоткрыв окно для проветривания.

Погода становилась теплее, в воздухе иногда чувствовался сырой землистый запах, а молодые листья за окном уже сменили ярко-зелёный цвет на более тёмный оттенок.

На тумбочке прозвучал сигнал сообщения.

Фан Чи взял телефон и посмотрел. Сунь Вэньцзюй прислал фото: его горшки-обезьянки на подоконнике были расставлены по кругу на террасе, среди зелёных листьев виднелись крошечные белые цветы, размером с рисовое зёрнышко.

«Цветы распустились», – написал Сунь Вэньцзюй.